

Широкий меч с массивным обухом, однако, был стандартным армейским оружием, а не таким древним божественным клинком, как меч Лунъюань.

В глазах Дань Чао застыл мрачный, леденящий холод. Не уклоняясь, он прямо поднял меч навстречу, вся его внутренняя сила, словно прорвавшая плотину вода, излилась на клинок, и в мгновение ока семь звёзд Большой Медведицы вспыхнули ослепительным холодным светом!

Кэн — цзян!

Металл столкнулся, вспыхнули искры. Меч Лунъюань рассек широкий меч с массивным обухом пополам, клинок, вращаясь, отлетел и с глухим стуком «До!» глубоко вонзился в дворцовую стену!

Дань Чао сделал шаг вперёд, и на глазах у всех направил остриё меча прямо в горло Юйвэнь Ху.

— Ты проиграл, — холодно произнёс он.

Ночной ветер пронёсся с воем, вокруг воцарилась гробовая тишина. Взоры всех присутствующих, готовые вырваться из орбит, были прикованы к острию меча Лунъюань, находившемуся всего в нескольких цунях от горла Юйвэнь Ху.

— ... Кто ты на самом деле? — голос Юйвэнь Ху был хриплым, почти сорвавшимся, он не мог в это поверить. — Это фехтовальное искусство... у кого ты учился?!

Дань Чао сказал:

— У меня нет фехтовального искусства.

Именно из-за его отсутствия это было ещё страшнее — фехтовальные приёмы следуют воле сердца, естественны и гармоничны. Сколько основоположников школ начинали с этих четырёх слов — «нет фехтовального искусства»? Неужели у этого монаха такой дар?!

Учителя можно пригласить, божественный клинок выковать, фехтовальное искусство отточить.

Но дар даётся при рождении самим Патриархом, и из миллионов людей он выпадает лишь одному. Кто-то в глубокой старости так и не достигает величия, а кто-то в юности проявляет гениальность и обретает славу — в этом и заключается принцип, Небеса просто несправедливы!

Краем глаза Юйвэнь Ху заметил фигуру Се Юня, стоящую во дворе, и тут же острая, как укол иглы, горечь, смешанная с яростью, поднялась из сердца к горлу, он едва не извергнул кровь.

— Я проиграл, — сквозь стиснутые зубы он с трудом проглотил ту кровь, поднял голову и отчеканил:

— Убей меня.

— Генерал! — личная охрана Лагеря Сяоци за оградой двора тут же взорвалась.

— Великий генерал, не надо!

— Откуда этот молокосос, не ведающий небесной высоты и земной толщи?! Ты посмеешь двинуться?!

Бровь Дань Чао приподнялась, он повернулся к той толпе личной охраны за оградой и громко, свысока произнёс:

— Кто желает быть вторым, кто подойдёт принять смерть?

Это было верхом наглости и высокомерия. Мгновенно, словно холодная вода, плеснутая в котёл с кипящим маслом, охрана взорвалась:

— Дерзкий негодяй! Сегодня мы изрубим тебя на тысячи кусков!

— Стой! — Ма Синь и ещё десяток гвардейцев одновременно обнажили мечи, бросились вперёд и едва успели преградить путь у дворцовых ворот:

— Кто посмеет ворваться во дворец? Стой, не двигаться!

Шум унёс ветром. Неподдалёку в Чертоге Прохлады один за другим зажглись огни — кого-то потревожили.

Дань Чао усмехнулся — обычно он был просто молодым человеком с довольно красивой внешностью, мало говорящим, не выделяющимся в толпе. Но это простое выражение лица излучало из глубины души высокомерное, подавляющее презрение.

— Я не убью тебя, — обратился он к Юйвэнь Ху. — Твоё оружие негодное, я не воспользуюсь этой твоей слабостью.

Затем он понизил голос, и каждое слово, казалось, несло мощную и яростную энергию:

— Но если в следующий раз я ещё раз увижу, как ты коснёшься хотя бы пальца командира Се...

— Ты! — лицо Юйвэнь Ху побагровело, он даже забыл, что острое лезвие меча направлено на его шею, и занёс руку для полного удара ладонью, нанося его сверху:

— Ты, дерзкий...

— Прекратите!

Властный окрик женщины раздался, словно взрыв. Одновременно проворная чёрная тень, подобно метеору, взмыла на крышу, издав пронзительное:

— Ау-у-у!

Леопард?

Во внутренних покоях императорского дворца, откуда здесь леопард?!

Юйвэнь Ху вздрогнул, рефлекторно отозвал энергию, Дань Чао также неожиданно отступил на несколько шагов.

Увидели, что чёрный леопард грациозно замер между двумя мужчинами, небрежно ударил лапой, разбив несколько глазурованных черепиц, затем поднял голову и издал устрашающий протяжный рёв.

Все остолбенели, и в этот момент послышался мягкий, со смешком, мужской голос:

— Не рани людей, возвращайся.

Чёрный леопард развернулся, взмахнул хвостом, и когда все подумали, что он спрыгнет с крыши, вдруг тело леопарда сжалось, в воздухе бесшумно превратилось в чёрный дым и... исчезло!

Дань Чао нахмурился, Юйвэнь Ху изумлённо произнёс:

— Маг?

Се Юнь обернулся и увидел: личная охрана и гвардейцы за оградой двора встали на колени, а неподалёку, окружённая придворными, стояла нынешняя императрица У!

— В священном месте императорского дворца, в глухую ночь, что здесь происходит? — Императрица У взглянула на крышу и гневно приказала:

— Немедленно спуститесь вниз!

Дань Чао и Юйвэнь Ху прекратили противостояние, спрыгнули на землю и поклонились императрице, прося прощения. Дань Чао, увидев, что Юйвэнь Ху опустился на колени, последовал его примеру, встав на одно колено. Со звоном он воткнул меч Цисин Лунъюань рядом с собой, опустил голову и устался в землю перед собой, не произнося ни слова.

Он не знал, что в тот миг взгляд императрицы У остановился на нём, застыв на мгновение, и в её глазах отразилась необычайная сложность эмоций.

Из всех присутствующих только Се Юнь не встал на колени и даже не пошевелился. Его взгляд поверх императрицы У устремился к молодому магу с улыбающимся лицом, держащему в руке персиковый амулет, окружённому придворными.

Тому было не более двадцати, лицо бледное, изящное, одет в синее платье, и даже просто стоя там, он казался необычайно одухотворённым. Особенно впечатляли его глаза — на первый взгляд просто красивые, ничем не примечательные, но человек с такой глубокой внутренней сущностью, как Се Юнь, мог разглядеть, что в тех зрачках переливался свет, явно свидетельствующий, что практика даосских искусств достигла весьма глубокого уровня.

Ресницы Се Юня слегка прищурились.

Затем он увидел, как маг, словно что-то почувствовав, внезапно повернул голову и сквозь толпу посмотрел прямо на него.

Глаза мага искривились улыбкой, радость разлилась по всему лицу.

— ... — лицо Се Юня оставалось холодным и бесстрастным, он спокойно отвел взгляд.

— ... В пылу гнева вступили в драку, прошу императрицу определить наказание...

Императрица У нетерпеливо перебила извинения Юйвэнь Ху:

— Я пришла сюда не для того, чтобы слушать вашу болтовню! Приближённые, уведите генерала-кавалериста! Гвардейцы и Лагерь Сяоци возвращаются к своим обязанностям! Завтра я подробно разберусь и тогда вынесу решение!

Все опустились на колени, выражая согласие. Юйвэнь Ху перед разгневанной императрицей не

мог больше ничего сказать, лишь недовольно поднялся и, согнувшись в поклоне, удалился вместе с личной охраной Лагеря Сяоци.

Ма Синь украдкой взглянул на Се Юня и, видя, что командир не подаёт других знаков, также незаметно махнул рукой своим людям, и они покинули внутренний двор.

Императрица У приказала сопровождавшим её придворным оставаться на месте, но сама, взяв за руку молодого мага, волоча длинные роскошные подола платья, гордо переступила порог Чертога Прохлады.

Се Юнь знаком подозвал Дань Чао подойти и сам последовал внутрь. Увидели, как императрица У повернулась и села за стол, приказав магу опуститься на колени на циновку слева от себя, а Се Юню и Дань Чао — сесть справа внизу. В чертоге остались только четверо, смотрящие друг на друга. Императрица У наконец кашлянула и, указывая на мага, медленно произнесла:

— Это господин Мин Чуньянь.

Маг пристально смотрел на Се Юня, его взгляд скользнул по лицу Дань Чао, с лёгким удивлением оглядев его, затем, словно внезапно всё поняв, снова обратился к Се Юню.

Он улыбнулся:

— Не стоит, я всего лишь странствующий лекарь.

Се Юнь молчал.

Императрица У продолжила:

— Это командир Се из Императорской гвардии.

Она сделала паузу, её тон был очень мягким:

— Господин Мин родом из Яньши, области Лочжоу, там он практиковал врачевание и проповедовал, снискав большую известность. После того как его порекомендовали, Святейший пригласил его на аудиенцию, и неожиданно многолетние мигрени излечились за одну ночь. Это весьма чудесно, если бы я не видела своими глазами, ни за что бы не поверила.

Мин Чуньянь с изящными манерами склонился в поклоне.

Дань Чао, следуя примеру остальных троих, опустился на колени на циновку, вложил меч Цисин Луньюань в ножны и положил рядом. Почему-то ему внезапно показалось, что улыбающееся выражение лица Мин Чуньяня немного странное, и он неловко пошевелился.

Императрица У сказала:

— Господин Мин, это и есть причина, по которой я велела тебе прийти. Командир Се более полумесяца назад во время ночного обхода дворца упал в воду, после чего простуда то появлялась, то исчезала, много дней принимал лекарства, но улучшения не наступало. Придворные лекари уже осматривали, посмотри, есть ли какие народные средства для лечения?

Эта редкая заботливость императрицы У проявлялась исключительно к Се Юню, о ком-либо другом и думать не приходилось.

Кто бы мог подумать, что прежде чем Мин Чунъянь успел подняться, внезапно заговорил Се Юнь, причём с лёгкой язвительностью:

— Лечить этими шарлатанскими народными средствами?

Мин Чунъянь опешил, затем рассмеялся:

— Командир Се, вы, вероятно, не знаете, но я не только занимаюсь шарлатанством, но и поверхностно разбираюсь в искусстве чтения по лицу.

Эти слова застали врасплох даже императрицу У на главном месте.

— Например, Знак Лазурного Дракона командира Се меня весьма озадачивает. Я полагал, что в наше время Лазурные Драконы уже исчезли, и не думал, что сегодня мне посчастливится увидеть одного «Скрытую Лазурь Небес», поэтому не смог удержаться и разглядывал вас, прошу командира Се не сердиться.

Бровь Се Юня дёрнулась, в глазах Дань Чао мелькнуло недоумение.

<http://bllate.org/book/15578/1387257>